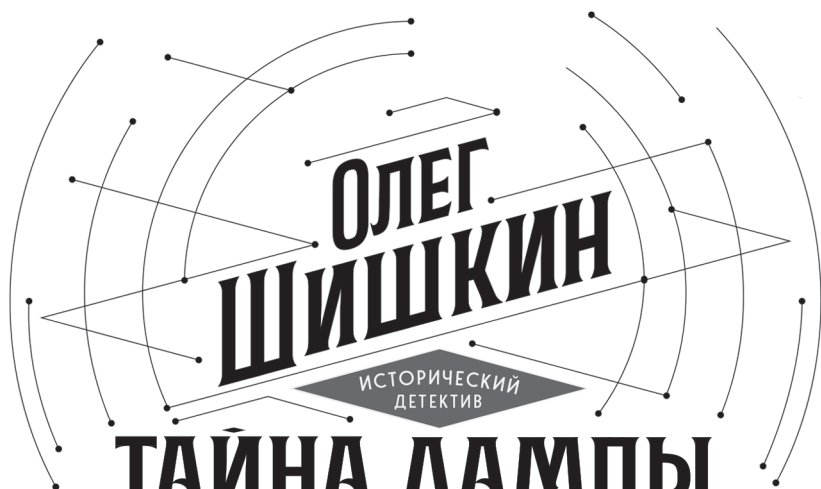

**ОЛЕГ
ШИШКИН**

ИСТОРИЧЕСКИЙ
ДЕТЕКТИВ

ТАЙНА ЛАМПЫ МЕЙСНЕРА

ИЛЛЮСТРАЦИИ
КОНСТАНТИНА БАТЫНКОВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш65

*Издательство выражает благодарность продюсеру
Игорю Воеводину
за помощь в работе над изданием книги.*

*Автор благодарит художника
Константина Батынкова за иллюстрации к роману.*

Ш65

Шишкин, Олег Анатольевич.

Тайна лампы Мейснера: [роман] / Олег Шишкин. —
Москва: Издательство АСТ, 2026. — 224 с.: [32] ил. —
(Исторический детектив от Олега Шишкина).

ISBN: 978-5-17-185779-0

Германская разведка разрабатывает план бомбардировки поезда, в котором из Могилёва в Петроград отправляется русский император Николай II вместе с наследником. Важную роль в покушении должны сыграть таинственный прибор — изобретение гения Мейснера — и загадочный агент «Каннибал», которого ищут майор Тамиров, начальник штабной связи, и капитан контрразведки Дорохов. Друзья не подозревают, как близок к ним «Каннибал»...

Олег Шишкин — известный телеведущий РЕН ТВ.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN: 978-5-17-185779-0

© Текст. Олег Шишкин, 2026.
© Иллюстрации. Константин Батынков, 2026.
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2026.

Тайна лампы Мейснера

Роман

И под её атласной кожей
бежит отравленная кровь...

Николай Гумилёв

ФЕЛЬДЬЕГЕРЬ НА ПОЛУСТАНКЕ

1

Дождь был сильный, проливной, колючий, каким он, в общем-то, и должен был быть в последние дни ноября. Порывистый ветер распластывал кусты вдоль железной дороги, пригибал берёзы и, казалось, грозился повалить всё на своём сиюминутном пути.

Но тревожный ритм здесь, в глуши, возник уже давно, и не по воле стихии. Тут, на полустанке в ста верстах от Орши, где жизнь измерялась частотой следовавших поездов, всё пришло в движение и всё это куда-то торопила надвигающаяся на дремотный и пасторальный мир война.

Конечно, она была очень и очень далеко. Но санитарные эшелоны, что шли по несколько раз в день, убеждали: она уже рядом. Доехать до неё и героически завершить свою жизнь можно было даже очень быстро.

Из мрачного далека прилетали или плохие новости, или никакие. Жизнь шла своим чередом. А выпцветший плакат, наклеенный на крыльце будки железнодорожного обходчика, сообщал, кто виновник всех бед на земле: «Кайзер — враг рода человеческого».

Будка была простецкая, маленькая, с трубой крохотной печурки, которая чадила пряным антрацитовым дымком. Внутри на узеньком столике стояли помятые переносные латунные семафоры, в стеклянных баклажах мерцал керосин для фитилей железнодорожных фонариков.

Рядом с этим широким натюрмортом, среди мятых комков газетной бумаги, порченной на курево, завернувшись в путейский плащ, на полатах лежал обходчик. Лежал он так картинно и преспокойно, что вполне мог показаться замысловатой статуей со множеством складок, обвивавших классический торс.

Но едва порыв ветра свистнул над деревьями, железнодорожник, накинув серый линиялый бушлатик, выглянул из каморки. В лицо ударил колючий холодный ветер, и путейский недовольно поморщился, поёжился и, нахлобучив свою форменную фуражку, шустро нырнул в курятник рядом с будкой. Из птичьего сарая он вышел уже с яйцом, сунул свою добычу в висевший на плече подсумок и осмотрелся. Приближалось время, когда нужно было шлёпать по рельсам до следующего полустанка, неся с собой старенький латунный семафор.

2

Где-то очень далеко навстречу обходчику вылетел столичный курьерский поезд. Вагоны были по высшему классу: с довоенным ресторанным шиком, с обивкой бархатом, с ванными в купе люкс, с занавесками, украшенными рюшами. И с пассажирами, скучавшими кто за чаем, кто за вчерашней газетой, кто за созерцанием пролетающих станций.

Как же всё было чинно, тихо, размеренно до глухоты!

Некоторая жизнь происходила только в вагоне-ресторане, где официанты в белых накрахмаленных

фартуках, спускавшихся почти до пола, фланировали между столиками. Эти изящные человечки с набриолиненными причёсками были одеты в жилетики с серебристыми пуговками, а в карманах их фартуков колыхались чеки и страницы блокнотов.

Фланирование ресторанных официантов не очень-то увлекало сидевшего у окна мужчину, который сосредоточенно наблюдал за вороной, что летела параллельно вагону и довольно близко от стекла. Возможно, она искала компанию? Отделённый от птицы оконным стеклом пассажир был в чёрном бархатном пиджаке — вещице франтоватой, но уже поношенной. Плотный и широкоплечий, её владелец отличался комичной причёской: как будто ему на голову была нахлобучена шкурка коричневого барашка со свисающими мохнатыми ногами в виде бакенбардов. На соседнем стуле стоял его медицинский саквояж.

Когда к скучавшему здоровяку подошёл один из официантов, тот сначала отстранённо взглянул на юношу, но при виде бутылки с этикеткой одобрительно кивнул головой.

— Белое удельное. Но есть и «Ливадия» — портвейн красный, мадера, кавказское шампанское, есть крымские мускаты, — предупредительно перечислил официант.

Это не произвело на флегматичного клиента ровно никакого впечатления. Он опять кивнул головой и выдавил из себя равнодушно:

— Хорошо. Удельное, белое, любое.

Бутылка была откупорена. Как только рюмка наполнилась и флегматик сделал первый глоток, он заметил, что за соседний столик села изящная дама чуть за тридцать. Толстяк загляделся на неё; официант уже было собрался уходить, но клиент крикнул ему вдогонку:

— Не тяните с солянкой и отбивными. Я чертовски проголодался. Ваше удельное лихо подхлёстывает аппетит!

— А я думал, что господин желает по готовности, — проговорил официант и направился к даме.

Женщина хоть и казалась спокойной, но пребывала в лёгком смятении, свойственном пассажиркам драматических времён. Официант вынул из кармана накрахмаленного фартука меню и механически подал его клиентке. Она взяла его, как будто какую-то книгу, и начала читать. Тогда к её столику и повернулся толстый сосед, интересуюсь у официанта:

— Кстати, а что проезжаем?

Набриолиненный любезно кивнул клиентке, что-то чиркнул себе в блокнотик и произнёс:

— Орша скоро будет.

Желая привлечь внимание дамы, читавшей меню, упитанный пассажир посетовал:

— Поезд курьерский, а официанты как сонные мухи. Приходится погонять.

Мадам удостоила говоруна полуулыбкой и пролепетала:

— Может быть, ещё исправятся...

— Интеллигентка-идеалистка? — с подковыркой брякнул пассажир. — Нет-нет. Тлен уже тронул их души. И этой гнилью прорастёт в них насквозь. Как бы завтра они не начали нас поголовно учить уму-разуму. Все идёт к тому. Считайте меня Нострадамусом.

— Не насытитесь лоно Адамово, кроме как землёй... А вы не пробовали умерить аппетит, например? Вести здоровый образ жизни? Может быть, тогда суета и голод отпустили бы вас и в вашей душе воцарилось бы добро, — сказала дама.

— Вы знаете... я задумался, — развеселился попутчик.

— Жизнь не бесконечна. А здоровье-то убегает от нас каждую секунду, — продолжала мадам свою дидактичную «канитель».

— Вы в Могилёв? — поинтересовался мужчина.

— Да вот. Личные дела и много всего, о чём рассказывать скучно и хлопотно. Да и зачем вам?

Здоровяк смерил даму серьёзным взглядом и сказал:

— Два года назад я был на Дальнем Востоке, где в лесах и на побережье собирал чудодейственные травы и организмы из области восточной медицины, которой меня обучил заезжий китайский лекарь, абориген маньчжурских лесов. В далёком краю я сошёлся в интересах с одним нашим офицером, неким Тамировым: он пригласил меня на охоту на леопарда. Затея показалась забавной, я решил пощекотать себе нервишки. Военный взял с собой туземца с собаками, у каждого из нас было по ружью. Казалось, мы были в безопасности и чувствовали себя хозяевами в этих джунглях. Опьянённые силой, мы шли, наслаждаясь видами долин, сопок и урочищ. Как вдруг у собак шерсть поднялась дыбом. Они прижались друг к другу, и местный понял, что где-то рядом леопард. И мы его слышали. Зверь шарахался вокруг нас в чаще, как призрак, а мы едва успевали поворачиваться. Но вдруг в какой-то миг этот пятнистый сатана выскочил перед нами и схватил одного из псов своей когтистой лапой. Мы передёрнули затворы и выстрелили разом... И не попали. Он словно исчез. Потом мы двинулись на него шеренгой, беспорядочно стреляя впереди себя. Мы ранили его — он ревел, но убегал. И убежал, к сожалению,лизывать раны...

— Для чего вы мне это рассказали? И какая же в этом мораль? — заинтересовалась дама.

Попутчик пожал плечами, и в этот момент, когда всё казалось благодушным и приятно-чинным, через вагон-ресторан продефилировал офицер-фельдъегерь. Он был в отменных, невероятно блестящих сапогах. К его руке была пристёгнута металлическим браслетом защитного цвета вализа. Офицер подошёл к стеклянной двери, делившей вагон на две равные половины, открыл её и тут же затворил за собой. Над входом в другую половину вагона висела эмалированная табличка на двух языках: «Для курящих. *It est permis de fumer*».

Фельдъегерь зашёл в курящую часть ресторана и уселся почти у самой стеклянной двери. За ней было

видно, что шею ему подбрасывали опасной бритвой, а следовательно, он посещал лучшие столичные парикмахерские.

3

Пассажирский состав петлял между лесов. Паровоз, попрыгивая, нырял в пушистые чащобы и снова выскакивал из них, когда дорогу обступали поля или перелески, вересковые пустоши, ртутные проплешины озёр с заболоченными берегами, полустанками, с дальними сёлами у горизонта, туманными силуэтами покосившихся церквушек. Но вдруг впереди блеснула гладь большой реки, и состав с суетливым перестуком влетел на мост. Когда ажурные арки и перекрытия стали своими лезвиями разбивать солнечные лучи, от них зарябило в глазах. Рядное, пробившееся в щёлку между облаками утреннее солнце подожгло хрустальный воздух, и запылали оставшиеся в полях копны, окна сельских избышек, позолоченные купола далёкой кладбищенской церкви, а огромные окна барского дворца в духе Версаля, как гиперболоиды, выстрелили по поезду — экспресс стал огненным, призрачно пылающим.

В этот чудесный миг высоко над поездом появился хрупкий военный самолёт, из тех, что в просторечии зовут этажерками. В гондоле аэроплана находились два пилота в чёрных, напоминавших цилиндры касках, надетых аж поверх авиационных шлемов. Авиаторы были в вороних кожаных куртках с золотыми погонами и квадратных очках: экипировка делала их похожими на существ из параллельного мира, впрочем, их мир и был параллельным тому миру, что двигался в поезде.

Стрелок ударил по плечу лётчика, что сидел впереди него и вёл самолёт. Тот обернулся и увидел, что стрелок жестом показывает вниз — туда, где змеится пассажирский состав, в лучах солнца расстилается широкая лесная долина и переливается солнечными

благородными пайетками широченная река. Лётчик кивнул своему стрелку, и аэроплан резко ушёл в вираж.

Бросая вызов паровозу, двухместный военный «Ньюпор» с бело-сине-красными кругами на крыльях и хвосте, вертясь волчком, стал лихо снижаться, а потом полетел довольно низко, параллельно окнам вагона-ресторана.

Кто же были эти лихачи, отчаянные асы, благородные безумцы? Скажем наперёд: один из них звался капитаном Дороховым и, в сущности, он был не пилотом, а офицером армейской контрразведки. Однако в свободное время брал уроки полётного мастерства у Сергея Сергеевича, который сейчас опасно вёл «Ньюпор» рядом с вагоном-рестораном.

Появление самолёта произвело фурор: здоровяк, ждавший своего заказа, воскликнул: «Вот так номер!» Затем он обернулся к даме, желая найти у неё поддержку, но заметил, что она через стеклянное оконце в двери наблюдает за элегантным фельдъегерем в курящей части вагона.

— Самолёт! — крикнул толстяк.

Пассажирка обернулась, но «Ньюпор» уже взмыл вверх, и она успела разглядеть только его трёхцветный хвост.

Что означал этот триколор? Он напоминал о трёх теологических добродетелях апостола Павла — вере, надежде и любви.

4

Поезд шёл, а обходчик брёл по путям, постукивая стальным прутом по стыкам рельсов. Этот ежедневный обход едва ли можно было назвать весёлым делом. И хотелось смотреть в верхотуру небес, а не на мокрые рельсы. Однако именно сверху понеслась та самая «этажерка», и обходчик невольно согнулся, когда прямо над ним пролетевший «Ньюпор» поднял сильный ветер. Этот

порыв жёстко пригнул кусты и деревья по обе стороны от полотна, а репей и осока раскружились в заболоченных лужах. На поясе обходчика забренчал звуковой рожок, а подсумок с алюминиевой кружкой принялись колотить друг друга. Старенький путейский бушлат затрепетал так, что сорвался капюшон, и обходчику пришлось поправить его и вновь закрыть голову, придерживая фуражку рукой.

Как только ветер улёгся, путеец остановился, потуже затянул ремешок с серебристой пряжкой «Губернских железных дорог». Вот тут, трубя о большой беде, и заголосил приближающийся паровоз.

5

Перед тем как случилось нечто мрачное, в тамбуре вагона-ресторана возникли ноги в отменных офицерских сапогах, мерцающих парафиновым глянцем. Фельдъегерь собирался пройти в другой вагон, но вдруг, отвлечённый чем-то, остановился. И прислушался. Но ничего, кроме ритмичного стука колёс, он не услышал. И всё бы хорошо, но вдруг сапоги офицера вздрогнули, ноги подломились. И царский вестник рухнул на пол тамбура. Раздался тихий шипящий звук голоса: «Ша-а-а!» На чёрных восковых голенищах расплылись капли крови и потекли на пол тамбура. Вот тогда-то резким толчком кто-то распахнул внешнюю дверь вагона...

6

Отмечая полустанок, взвизгнул истеричный гудок, и обходчик, увидев трубу локомотива, спустился с насыпи. Он наблюдал, как мимо него проносился пассажирский состав. Паровоз надрывно пыхтел, а из-под колёс вырывались плотные кудри пара.

Когда последний вагон пронёсся перед глазами, обходчик вновь поднялся на насыпь и двинулся дальше, простукивая рельсы, пока не показался домик стрелочника.

Стояла ватная, глубокая тишина.

И вдруг послышался колокольный звон сельской церквушки. Обходчик перекрестился, осмотрелся и увидел сложенные штабеля шпал. Дойдя до них, путеец расстелил на шпалах тряпицу, из подсумка достал кулёк из газеты, из которого вывалились кусок хлеба, яйцо, шматок сала...

Но вот взгляд обходчика случайно зацепился за соседний куст и обнаружил, что из-под него виднеются два сапога с узкими голенищами. Странно! Обходчик отложил подсумок с едой и двинулся к зарослям. В них на животе лежал офицер с прикованным к левой руке матерчатым казённым саквояжем. Китель с золотыми пуговицами был расстёгнут, португеза соскочила с золотых погон, кобура револьвера оказалась пуста, сургучные пломбы на саквояже вскрыты. Обходчик перевернул тело и тут же отвернулся, закрыв ладонью рот. Живот офицера был вспорот. Только kloкотанье крови в груди умирающего нарушало тишину.

Обходчик боязливо залез в накладной нагрудный карман офицерского кителя и достал оттуда тёплое удостоверение. В нём сообщалось: «Фельдъегерь Его Императорского Величества Рокотов Иван Сергеевич».

Железнодорожник отшатнулся, судорожно записав документ в карман своего мокрого дождевика, бросил металлический прут и, спотыкаясь, понёсся по рельсам к тонущей в дождевом мареве малюсенькой станции.

ТРОЕ ИЗ ЧЁРНОГО ЗАМКА

В глубине опалённого временем чёрного замка, за массивной башней, облицовка стен которой была похожа на шкуру древнего ящера, находилась арка с тревожным изображением паука на самом изгибе дуги. Этот членистоногий монстр был частью забытого средневекового заклатья, чудищем, держащим в своих хищных лапках, подобно соборной свече, опасный тевтонский символ, которому приносились жертвы минувших столетий. Восемь глаз паука были подкрашены в красный цвет. Предполагалось, что сам взгляд на это членистоногое мог быть опасен.

Но трое пришельцев, которые в этот миг появились под паучьим сводом, уверенно прошествовали за створки замковых ворот.

Один из них был явно военным и имел волевой подбородок с острой бородкой. Сама статья и походка его убеждали, что здесь он не гость, а хозяин и в каком-то смысле сын того самого паучища, ведь и его плечи были слегка втянуты и будто сведены. Ведь и его глаза мерцали сумеречным светом. В них, нарочито добродушных и всё понимающих, светилась фосфорическая искорка мефистофелинки. Уголок правого глаза и уголок правой стороны рта подёргивались то ли от тика, то ли от чрезмерного напряжения.

Ах да, наверное, мы бы знали, каков чин этого офицера, но он был в накидке, а она не позволяла разглядеть его погоны.

Двое же гостей паучьего замка были разными натурами. В лице молодого человека в пальто угадывался интеллект. Он казался студентом либо недавним выпускником какого-то мудрёного заведения. Приметным был и его профиль, почти орлиный, и взгляд с оттенками высокомерия и недоверчивости.

Другой был откровенно простоват и, несомненно, знал, что такое борьба за жизнь и кусок хлеба, который не раз вырывали у него из рук. Возможно, он был ремесленником, мастеровым или служащим на низших должностях. Его широкие ладони были натруженными, а руки — вытянутыми и напоминали конечности антропоидного примата. Чувствовалось, что простак опасался чего-то ужасного, что вот-вот должно было произойти.

Пока мы оценивали этих незнакомцев, все трое подошли к двери, на которой было углубление с кнопками, обозначенными цифрами. Военный приподнял рукав и сосредоточенно взглянул на циферблат наручных часов. Затем, быстро обернувшись к своим спутникам, набрал двенадцать цифр. Дверь издала шкатулочный музыкальный звук и стала открываться под ксилофонный мотив.

За дверью в полутьме возникли абрисы факелов. Офицер щёлкнул кнопкой выключателя, и факелы вспыхнули электрическими лампами: в мечущемся желтоватом свете возник извилистый проход, убегавший в глубину. Но спутники офицера были нерешительны. Они словно понимали, что там, куда они сейчас придут, состоится их посвящение в опасную тайну, и расчётливо медлили.

— Ну вперёд, — скомандовал военный, пропуская штатских.

Этим он не внушил им уверенности: двое только робко переглянулись.

— Тут всё просто, коллеги, — решил приободрить их военный, — впереди через каждые двадцать метров на стенах начертаны стрелки: они ведут к главному залу. Пойдёмте.

Теперь его слова успокоили гостей: одолев робость, они уже заторопились, да так, что военный еле поспевал за ними.

И вот в подземном коридоре мелькнул красный огонёк. Он сиял над входом в бронированное логово. Когда все вместе оказались у новой двери, офицер нащупал кнопку слева от мерцавшей лампы, раздался щелчок, пространство открыло свою железную пасть и поглотило их всех.

Внутри тайной комнаты у простого металлического стола военный снял фуражку. Блеснул его лысый череп, затем он сбросил и накидку, и на плече заискрилось серебристое плетение погона немецкого полковника. Палец военного указал на стопку карточек, лежавших на столе. Жест был столь театрален, что казалось, будто сейчас начнётся битва картёжников, любимцев судьбы и её же изгоев. Рядом со стопкой лежали причудливые очки.

— Коллеги, — указал военный, — вам стоит это надеть.

Очки выглядели жутковато: дужки соединяли две сужающиеся трубки, на конце которых были маленькие линзы.

— Что это за штучки, господин Кифер? — воскликнул интеллигент.

— Смелее, Стахович, — подбодрил его полковник.

— А можно без них? — поинтересовался трудяга, пребывавший в явном замешательстве.

— Нет, Просвирияк! Без них нельзя. Надевайте и не капризничайте, — властно ответил немец.

Как только очки оказались на лицах, они тотчас же приобрели дьявольский вид, подобно образам из средневековых книг, в которых сообщается о проделках ведьм и роковых фокусах вурдалаков.